

Что было и чего не было (из будущей книжки того же названия)

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Вет. кн. - 1993. - 6 февр. - с. 3

## Эйзенштейн и в эротике был мэтр

В конце 1937 года Эсфирь Шуб (известный кинорежиссер-документалист) и Юлия Солнцева (тогда киноактриса, но еще не режиссер) повезли меня знакомиться с Сергеем Михайловичем Эйзенштейном.

Мне, как сейчас, видится большая светлая комната со стеллажами, стоящими не вдоль стен, а перпендикулярно к ним, заполненными до отказа книгами на многих иностранных языках. Помню я эту встречу с прославленным мастером настолько отчетливо, что не забыл даже меню обеда — крепкий бульон и кровавый бифштекс.

Я тогда в кино был еще дебютантом — музыка к

фильму Н. Кашеверовой «Аринка», пара мультфильмов и начало работы с режиссером В. Вайнштоном над музыкой к «Острову сокровищ».

Сергей Михайлович попросил меня сыграть какие-нибудь мои опусы. Больше всего ему понравился романс на пушкинские стихи «Ворон и ворону летит», наковой по его просьбе я повторил несколько раз, и подарил ему ноты, хранящиеся в эйзенштейновском архиве.

За обедом Сергей Михайлович жаловался на композитора Гавриила Попова (моего учителя и впоследствии друга) за длительную задержку эскизов музыки к «Александру Невскому». Ма-

ло кто знает, что первоначально музыка к этому фильму была заказана Попову, но тот подвел со сроками, и все кончилось блестящей партитурой Сергея Прокофьева, а Попов начал было писать оперу на этот сюжет, но так и не закончил.

Застольный разговор стремительно перескакивал с одной темы на другую и наконец неожиданно застрял на вопросах половой психопатологии (!). Тут я, демонстрируя сомнительную эрудицию, стал сыпать именами Фрейда, Фореля, Крафт-Эбина, Монтегаццо, Ломброзо и под конец вспомнил «Эротическое искусство» Г. Фукса — я его мельком просмотрел еще до войны в уникальной

библиотеке знаменитого ленинградского эрудита И. И. Соллертинского.

— Фукс... Какой же это будет? — задумчиво припоминал Эйзенштейн. — Не этот ли? — И, порывшись на книжных полках, протянул мне книгу в изящном переплете. Я раскрыл ее. На титульном листе было аккуратным почерком написано на немецком языке, который я тогда еще не совсем забыл: «Глубокоуважаемому мэтру, гению мирового киноискусства, от его горячего поклонника и ученика» (! — Н. Б.). Георг Фукс, Вена, 1927 г.». Тут я стыдливо и надолго замолк...

Как-то впоследствии я напомнил об этом эпизоде на-

шего знакомства Эйзенштейну, и он заметил: «Да, да, помню этого Фукса. Очень вежливый и приятный господин, но довольно недалекий и поверхностный автор. И в его сочинении много неточностей и ошибок».

Между прочим, у этого экземпляра книги была сложная миграция. После смерти Эйзенштейна она досталась его близкой приятельнице Пере Аташевой, которая продала ее кинорежиссеру Л. Траубергу, а он в свою очередь — мне. А я подарил ее Саше Галичу на день рождения. Он увез ее с собой в эмиграцию, где она и погибла во время пожара в квартире его вдовы вместе с хозяйкой и ее любимой собачкой Шушей...